

О том, что Линь Чжигао вежливо отклонил предложение «Арсенала», знали только трое: сам юноша, Робин ван Перси и Арсен Венгер. Больше ни одна живая душа не ведала об этой тайне.

Нилу Уорноку и в голову не могло прийти, что его главного игрока, вокруг которого он так тщательно выстраивал всю тактику команды, пытался переманить топ-клуб. Узнай главный тренер, что Чжигао без колебаний проигнорировал столь соблазнительную приманку «канониров», наверняка почувствовал бы искреннее облегчение и гордость. Впрочем, этот секрет так и остался для него тайной за семью печатями.

Но и сам Чжигао не догадывался, что после разговора с Ван Перси мнение Венгера о нём лишь возросло. Мсье Арсен увидел в молодом китайском форварде не просто талант, а человека чести, способного на благодарность и верность.

Игроки, готовые пожертвовать личной выгодой ради признательности клубу, открывшему им дорогу в большой футбол, в Европе были на вес золота. Большинство футболистов пеклись лишь о славе и деньгах: спевшись с агентами, устраивали забастовки и рвали контракты ради перехода в более престижную команду. Даже среди воспитанников Венгера, которых он лично вывел в люди, хватало подобных прагматиков.

Желание заполучить Чжигао в свои ряды вспыхнуло в Венгере с новой силой. Но раз парень твёрдо решил остаться в «Квинз Парк Рейнджерс» до конца сезона, мсье Арсен решил повременить с официальным предложением до летнего трансферного окна. К тому же у него впереди было больше полугода, чтобы детально присмотреться к игре нападающего и понять: вспыхнул ли на футбольном небосводе мимолётный метеор или же рождается новая суперзвезда.

Тем временем чемпионат Англии подошёл к шестнадцатому туру. «Квинз Парк Рейнджерс» набрали сумасшедший ход: три победы подряд принесли им девять очков, что позволило дерзкому выскочке сместить лондонский «Тоттенхэм» со второй строчки турнирной таблицы и занять вожацкое место главного преследователя лидера.

Сам Линь Чжигао с шестнадцатью мячами в шестнадцати матчах обошёл Робина ван Перси, у которого на счету было пятнадцать точных ударов, и единолично возглавил гонку бомбардиров Премьер-лиги.

Неожиданный взлёт китайского форварда заставил руководство клуба и Нила Уорнока светиться от счастья, в то время как скептически настроенная британская пресса пребывала в глубоком шоке. Свежие выпуски газет так и пестрели заголовками о подвигах новичка. Влиятельная *Daily Telegraph* опубликовала разгромную для скептиков статью под броским заголовком: «Лучший бомбардир АПЛ: первый в истории китаец».

«Очередной тур кардинально перекроил таблицу Премьер-лиги и список снайперов. Главная сенсация этого сезона, „Квинз Парк Рейнджерс“, не просто оставила позади „Шпор“, взлетев

на второе место, но и подарила английскому футболу потрясающее открытие — форварда из Китая по фамилии Линь.

Ворвавшись в Премьер-лигу, Линь уже в дебютной встрече оформил дубль, спасший команду от поражения. С тех пор он забивает практически в каждом туре, записав на свой счёт два хет-трика. Появившись на поле лишь в третьем туре и сыграв четырнадцать матчей, парень возглавил бомбардирскую гонку. Никогда прежде ни один азиатский футболист на позиции форварда не демонстрировал столь феноменальной результативности. Эксперты заговорили о рождении нового супернападающего. Многие сомневались в перспективах парня из Китая, который считается футбольной пустыней, но за прошедшие полгода он заставил замолчать даже самых закоренелых скептиков. Вполне вероятно, что очень скоро престижная „Золотая бутса“ английской Премьер-лиги впервые окажется в руках китайского футболиста».

Вслед за *Daily Telegraph* волну подхватили *Газета The Mirror*, *The Observer*, *The Times* и вездесущая *The Sun*. Британские массмедиа, славящиеся на всю Европу умением раздувать сенсации и лепить кумиров из ничего, признали свою былую ошибку. Раньше они обходили скромного легионера стороной: сказывались и предвзятость к азиатским игрокам, и стойкое убеждение ветеранов спортивной журналистики в том, что китайцу не место среди элиты АПЛ. Но факты — упрямая вещь, и Чжигао заставил считаться со своими голами. Теперь его лицо украшало обложки ведущих изданий. Восемнадцатилетний парень чувствовал себя неловко от такого шквала внимания, в то время как спортивные журналисты в самом Китае буквально заходились в экстазе.

Двадцать первого декабря стартовал семнадцатый тур чемпионата — последний перед рождественскими праздниками. После этого командам полагался короткий перерыв от четырёх до семи дней. Лондонцам повезло больше остальных: их игра была назначена на двадцать второе число, а следующая — только на двадцать восьмое, что давало целую неделю полноценного отдыха.

Вот только радоваться было рано. В соперники «Рейнджерам» достались настоящие гранды. Сначала подопечным Уорнока предстоял тяжелейший выезд на «Энфилд» к «Ливерпулю», а сразу после Рождества — домашняя битва против грозного «Манчестер Сити».

Перед лицом таких испытаний даже закоренелый оптимист Уорнок понимал: набрать хотя бы три очка в этих двух встречах будет невероятной удачей. Ничьи или даже поражения в обоих матчах удивления ни у кого бы не вызвали.

Несмотря на праздничную атмосферу на улицах города, тренировочный процесс на базе шёл на износ. Чжигао возвращался в свою съёмную квартиру уже затемно, когда в лондонских окнах зажигались вечерние огни. Но стоило ему переступить порог своего скромного жилища, как в дверь неожиданно постучали.

На пороге стоял Сунь Давэй.

Обычно они созванивались по мобильному, встречаясь лишь в пресс-зоне стадиона. Визит

журналиста без предупреждения озадачил Чжигао, заставив гадать, что же стряслось.

Гость, однако, вместо долгих приветствий молча выложил на стол внушительную стопку свежих газет.

— Ты это читал? — спросил Давэй, указав на кипу бумаг.

Чжигао придвинул к себе газеты. Все они были на китайском, целиком посвящённые отечественному спорту, и с каждой страницы на него смотрело собственное лицо. Одни издания перепечатывали британские статьи, другие публиковали аналитику собственного сочинения. Самое забавное, что большинство приписываемых ему фактов и «интервью» сам парень видел впервые в жизни.

— Я вообще не общаюсь с прессой на родине, кроме тебя, — пожал плечами Чжигао. — Так что все эти слухи для меня самого новость.

— Погоди, — опешил журналист. — То есть ты не в курсе, какой грандиозный скандал разразился вокруг тебя и нашей футбольной ассоциации?

— Какая ещё ассоциация? — удивился юноша.

Заметив недоумение на лице Давэя, форвард смущённо взъерошил волосы:

— Понимаешь, у меня до сих пор даже ноутбука нет, чтобы зайти на китайские сайты, а здешние киоски нашими газетами не торгуют. Откуда мне знать, что там творится?

— А родители? Неужели они ничего не рассказывали по телефону?

— Мои старики от футбола бесконечно далеки, — вздохнул Чжигао, обречённо разведя руками.
— Если бы не я, они бы до сих пор не знали, сколько человек бегают по полю и зачем им мяч. Они просто не следят за спортивными новостями.

Сунь Давэй сокрушённо покачал головой.

— Тогда слушай. Когда до Китая долетела весть о том, что Футбольная ассоциация Англии выдала тебе разрешение на работу по исключительному правилу для особых талантов, на родине началось безумие. Журналисты сразу зацепились за деталь: почему наш самый одарённый легионер пробивал визу через такие тернии, хотя был гораздо более простой путь? В прессе снова всплыла старая песня о том, почему тебя до сих пор не вызывают в сборную. Только на этот раз масштаб другой. Все спортивные СМИ в один голос твердят, что ты — наше лучшее приобретение в Европе и будущая суперзвезда. Они устроили колоссальный прессинг, буквально требуя от чиновников немедленно вызвать тебя под знамёна национальной команды.

— Вчера дело дошло до прямых расспросов руководства Китайской футбольной ассоциации. И знаешь, что ответили эти кабинетные умники? Заявили, что вызывать тебя никто не планирует! Начали плести чушь о том, что ты ещё слишком юн, играешь нестабильно, да и вообще серьёзных турниров у сборной в ближайшее время не предвидится. В общем, дали прессе от ворот поворот. Журналисты, естественно, взбесились, и сейчас в сети идёт настоящая война. Грязь льётся рекой, а ты тут сидишь в блаженном неведении.

— Знаешь, лучше бы я и дальше ничего об этом не знал, — Чжигао поморщился, словно от зубной боли. — Но ты ведь пришёл не просто сплетни пересказывать, верно?

— Разумеется, нет, — Давэй посерьёзnel. — Я пришёл спросить, летишь ли ты домой после завтрашнего матча? Если да, то приготовься к худшему. В аэропорту тебя будет караулить толпа репортёров, и засыпят они тебя очень неудобными вопросами. Если не подготовишься заранее, тебя просто распнут в прямом эфире.

— Полечу обязательно, — кивнул юноша. — Я родителей не видел уже больше полугода, очень соскучился.

— Отлично! — Глаза Давэя мгновенно загорелись профессиональным азартом. — Тогда могу я забронировать эксклюзивное интервью с тобой прямо у тебя дома?

Чжигао шутливо закатил глаза.

— Дружище, побойся бога! С учётом перелётов у меня на всё про всё едва ли неделя наберётся. Какие ещё интервью?

— Мы не отнимем у тебя много времени, честное слово! — затараторил Давэй, заискивающе улыбаясь. — Хватит пары часов. Мы сами приедем к тебе домой со съёмочной группой, быстро запишем материал и тут же уедем, мешать не будем. Ну как, договорились?

Немного подумав, Чжигао уступил:

— Ладно, договорились.

Журналист едва не запрыгал от радости. Получить эксклюзив с самым обсуждаемым спортсменом страны сразу по его возвращении — это колоссальный триумф для *Sports Weekly*. А для самого Давэя такой материал гарантировал стремительный взлёт по карьерной лестнице.

Проводив взглядом довольного гостя, Чжигао вдруг вспомнил об одном важном деле. Как репортёр, Давэй крутился в футбольных кругах и наверняка оброс полезными связями.

— Слушай, а у тебя есть на примете толковый футбольный агент? Кто-нибудь действительно

надёжный.

Давэй уставился на него в полном недоумении.

— Тебе нужен агент? погоди, ты хочешь сказать, что до сих пор играешь в Англии вообще без представителя?

— Да, — вздохнул Чжигао. — Робин тоже твердит, что мне срочно нужен агент, который возьмёт на себя бумажную волокиту и переговоры. Сначала я думал предложить отцу стать моим представителем, но он наотрез отказался переезжать в Европу. Сказал, что ничего не смыслит в трансферном бизнесе и только навредит мне. Приходится искать самому. Но я здесь никого не знаю, а связываться с теми дельцами, что сами набиваются в друзья, откровенно боюсь. Вот и решил спросить, нет ли у тебя кого на примете.

Но Давэй из всей этой тирады вычленил лишь одно имя.

— Робин? Тот самый Робин ван Перси?! — Журналист аж подался вперёд, позабыв про агентов. — Британские таблоиды писали, что вы с ним подружились, но я думал, это газетные утки! Боже, я же его преданный фанат! Можешь выбить для меня его автограф? А если получится сделать совместное фото, я вообще буду на седьмом небе!

— Дружище, мы вообще-то о серьёзных вещах говорим, — покачал головой Чжигао, но, глядя на умоляющий взгляд репортёра, сдался: — Ладно, ладно. Как увижу Робина в следующий раз, попрошу автограф специально для тебя.

Сунь Давэй густо покраснел от восторга и поспешно закашлялся, стараясь вернуть разговору деловое русло. Он нахмурился, перебирая в голове знакомых, и наконец заговорил медленно, взвешивая каждое слово:

— Послушай. Громких имён из мира европейского бизнеса с миллионными контрактами и связями на уровне УЕФА я тебе назвать не смогу, у меня таких знакомств нет. Но если тебе нужен честный, порядочный человек, который будет пахать на тебя и не попытается обобрать до нитки... кажется, у меня есть идеальный вариант.

— Серьёзно? И кто он? — оживился Чжигао.

— Его зовут Цзян Шупэн. Мы вместе учились в университете. После выпуска наши пути разошлись: я устроился в спортивную газету, а он попал на Центральное телевидение Китая. Правда, проработал там недолго — перешёл дорогу какому-то влиятельному чиновнику, и его с треском уволили. Подробности не знаю, но Шупэн точно ни в чём не виноват, парень он принципиальный. Поскольку футбол он обожал, то решил сдать экзамены и получить лицензию футбольного агента. Начинать на родине, раскрутил нескольких молодых ребят, которые сейчас вовсю играют в основе клубов Суперлиги. Вот только эти ублюдки оказались редкими тварями. Стоило им пробиться в состав и начать грести деньги лопатой, как они тут же дали Шупэну

пинка под зад. Оформили агентами своих жён и братьев, лишь бы не платить ему честно заработанные проценты. Грёбанные приспособленцы, продавшие совесть за копейку!

От нахлынувшей злости Давэй с силой стукнул кулаком по колену. Чжигао внимательно слушал, замороженный этой историей.

— И что с ним стало дальше?

— Последний раз мы виделись года три назад на встрече выпускников, — вздохнул журналист. — Тогда у него всё только шло в гору, до предательства этих сукиных сынов оставалось совсем немного. После той истории он окончательно разочаровался в людях и порвал все связи с китайским футболом. На встречи выпускников больше не приходил. Ребята поговаривают разное: кто-то считает, что он уехал за границу учиться, кто-то — что пытается устроиться агентом в Европе, а иные и вовсе утверждают, будто он ушёл в крупный бизнес. В общем, слухов полно.

Истории о несправедливо обиженных героях всегда находят отклик в юных сердцах, и Чжигао не был исключением. Судьба Цзян Шупэна, напоминавшая сюжет драматического фильма, мгновенно разожгла в нём любопытство.

— А те игроки, которых он вывел в люди, до сих пор на поле?

— Ещё как играют! Кое-кто даже до сборной дополз, — смачно сплюнул Давэй. — В наше время чем гнилее человек, тем слаще ему спится.

— А сам Шупэн? Ты сможешь его найти?

Давэй с сомнением прищурился, пристально вглядываясь в лицо собеседника:

— Чжигао, ты это серьёзно или просто из вежливости расспрашиваешь?

— Абсолютно серьёзно. Зачем мне шутить такими вещами?

— И тебе не нужно сначала посоветоваться с родителями?

Жизнь в чужой стране быстро закаляет характер, делая человека самостоятельным. Чжигао давно привык принимать решения без оглядки на других. Он весело усмехнулся:

— Считаешь, я не способен сам распоряжаться собственной карьерой? Или я всё ещё похож на маменькиного сынка, который шагу ступить не может без разрешения?

Давэй поперхнулся и не нашёл, что ответить. Действительно, этот парень ни капли не походил на изнеженных домашних подростков, которыми так славился современный Китай. А если вспомнить себя в восемнадцать лет... Журналист уныло признал, что по сравнению с Чжигао он сам в этом возрасте был абсолютным нулём.

Осознание этой колоссальной разницы мгновенно стряхнуло с него остатки нерешительности. Он понял, что дело принимает серьёзный оборот.

— Отлично. Как только вернусь в гостиницу, перерою все старые записные книжки. Постараюсь раздобыть его контакты уже к завтрашнему утру.

— Заранее спасибо.

Давэй поднялся со стула, собираясь уходить.

— Брось, не за что. За эти месяцы твои успехи принесли нашей редакции такие рейтинги, что это меньше, чем я могу отплатить. Так что мы в расчёте.

Хозяин квартиры пошёл провожать гостя до дверей.

Уже на пороге журналист внезапно остановился и обернулся. В его глазах читалась предельная серьёзность:

— Чжигао, если я действительно найду Шупэна, ты правда доверишь ему свои дела?

Юноша задорно выгнул бровь:

— Хочешь, чтобы я прямо сейчас кровью расписался, раз не веришь на слово?

— Да нет, просто... — Давэй замялся, его лицо выражало сложное переплетение чувств. — Разве тебе не нужно сначала проверить его? Ты ведь потому и отказывался от европейцев, что боялся наткнуться на проходимцев. Почему же ты так легко соглашаешься на мою кандидатуру? Вдруг я вешаю тебе лапшу на уши?

Чжигао мягко рассмеялся. Облокотившись на косяк, он шутливо погрозил пальцем:

— Во-первых, подписывать контракт вслепую я, конечно, не стану. Нам нужно встретиться лично. Не скажу, что вижу людей насквозь, но отличить фальшь от искренности всё же сумею. А во-вторых... я просто доверяю твоему выбору.

У Давэя перехватило дыхание, к горлу подкатил ком. Чёрт возьми, как же давно он не слышал

этих простых слов: «Я тебе доверяю». Погрязнув в бесконечной рутине, интригах внутри редакции и циничном мире современных медиа, он почти позабыл, что на свете существует чистая, искренняя вера в людей.

На короткий миг перед его мысленным взором пронеслись картины из далёкого юношества — светлые, наивные и давно стёртые из памяти воспоминания о временах, когда мир казался проще и добрее.

Журналист с силой ударил себя кулаком в грудь и широко, по-настоящему искренне улыбнулся:

— Будь спокоен. Всё сделаю в лучшем виде.

В ответ молодой форвард подарил ему лучезарную, тёплую улыбку.

<http://bllate.org/book/18232/1765010>